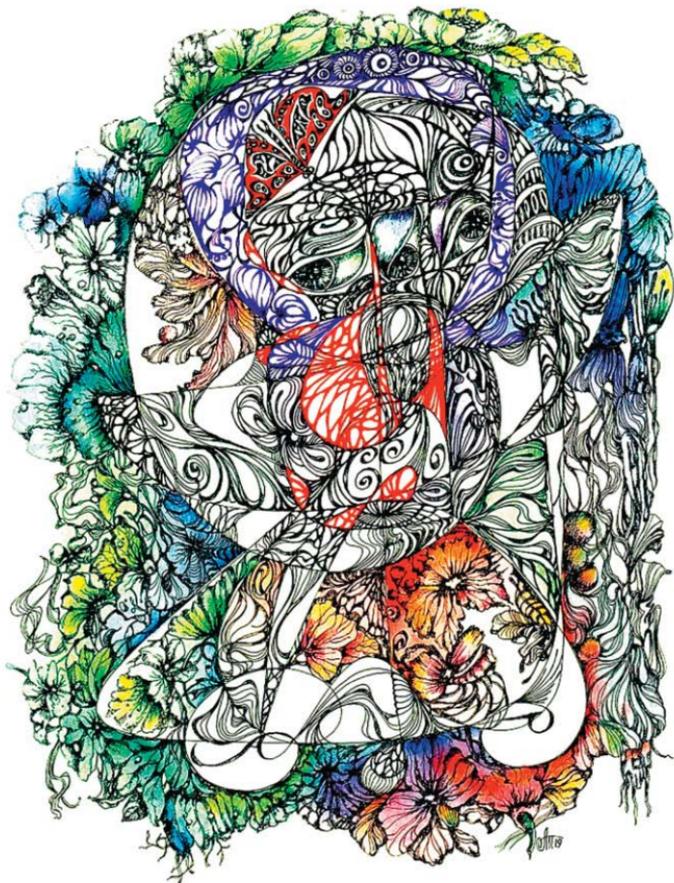

АНДРЕЙ ИВОНИН

Только стихи

Андрей Ивонин

ТОЛЬКО СТИХИ

избранная
лирика

москва

Образ

2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
И 25

Ивонин, Андрей Владимирович.

И 25 Только стихи / Андрей Ивонин. — Москва: Образ (издатель
Побужанский Э. Г.), 2021. — 160 с. — (Серия «Поэзия XXI века»).

ISBN 978-5-6045631-1-3

В новую книгу известного московского поэта Андрея Ивонина
«Только стихи» вошли избранные произведения разных лет.

Сборник выходит по издательской программе для лауреатов
поэтической премии «Образ» (премия-образ.рф).

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Возрастная категория: 18+

(в соответствии с ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ)

В некоторых произведениях сохранена пунктуация автора. Мнение ав-
тора может не совпадать с позицией издательства.

ISBN 978-5-6045631-1-3

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ

© Андрей Ивонин, стихи, 2021
© Татьяна Авдеева, графика, 2021
© Эдуард Побужанский, предисловие, 2021
© Валерия Исмиева, послесловие, 2021
© Образ (Побужанский Э. Г.), оформление, 2021

«Нездешний свет, таящийся внутри...»

Что есть поэзия? Можно ли, принимая её метафизическую природу (на ней настаивает, в частности, известный лингвист Юрий Казарин), всё-таки вывести некую универсальную формулу, позволяющую по формальным признакам выделить настоящую поэзию из множества ладно скроенных стихотворных текстов? Думаю, каждый пишущий пытался ответить на этот вопрос. Есть подобное определение и у меня. Не универсальное, не исчерпывающее, но всё же важное для моего внутреннего критика. На мой взгляд, добротный поэтический текст должен обладать как минимум тремя родовыми чертами: афористичностью, метафоричностью и парадоксальностью. В стихах Андрея Ивонина есть, по счастью, и первое, и второе, и третье. И вы без труда найдёте подтверждение этому в его новой книге.

Например, вот как живописно Андрей Ивонин рисует образ немолодого поэта: «Хрипловатый голос, / отрешённый взгляд. / Он, как цепом колос, / временем помят...» Или: «Мириадами глаз / древнегреческий Аргус / смотрит с неба на нас...» Это из стихотворения «Август» — одного из сильнейших в книге. Андрей Ивонин нередко обращается к античной мифологии, черпая в ней вдохновение по примеру поэтов Серебряного века — прежде всего Мандельштама.

Наконец вот пример парадоксальности в стихах Андрея Ивонина: «Бог, в которого я не верю, / всё же хочет меня спасти: / держит за руку, подстилает соломку...» — так начинается стихотворение, которое по посылу может показаться богоборческим, но по сути является самым ярким религиозным высказыванием поэта. Удивительная метаморфоза!

Творчество Андрея Ивонина полифонично и мультикультурно. Он может писать и так и эдак, смело экспериментирует, иногда примеряет чужие, но не чуждые поэтические одежды (например, с широкого плеча Бродского с его анжамбеманом). Андрей Ивонин может звучать современно и академично. Он может быть философом-исследователем, который старается по-фаустовски постичь «сакральный смысл» предметов и явлений, а может — тонким психологом и пронзительным лириком. В его литературных закромах найдутся и шуточные эпиграммы, и острая сатира, и тексты для блюзовых композиций (вы что-то слышали о «Группе товарищей»? Это музыкальный студийный проект Андрея Ивонина, основанный в 2008 году)... Да много чего интересного, неординарного и непреложно талантливое!

Но в этот раз — только стихи. Избранная лирика. Чистая поэзия. О ней, кстати, Андрей Ивонин тоже сказал по-своему: «Нездешний свет, таящийся внутри».

**ТОЛЬКО
СТИХИ**

Вот тьма над чёрной бездною. Вот свет.
Вот прошлого подробная канва.
Вот жизнь длиною в миллионы лет.
А вот небес холодных синева.
Вот перечень всех сущностей земных
от *homo sapiens* до губок и амёб.
Вот мальчик, о созвездиях иных
мечтающий, читающий взахлёб
неписаную Книгу Бытия.
Вот мириады звёзд над головой.
Вот Космос. Вот Вселенная. Вот я,
шагающий по гулкой мостовой,
и тот отрезок времени, когда
встаёт вопрос, один среди прочих тем:
откуда мы и движемся куда?
В какую даль стремимся и зачем?
Но сколько о подсказке ни проси
и ни бросай в ночное небо клич,
не хватит ни терпения, ни сил
рассудком Божий замысел постичь.

* * *

Пахнет йодом прибрежный осот, и везде
раскалённого солнца тягучая пряжа:
в кронах пыльных деревьев, в кругах на воде,
в золотистых крупинках песчаного пляжа.

Время медленно катится в гору. Ползут
еле-еле, как в детстве, событий улитки,
превращая разменную мелочь минут
в осязаемых дней драгоценные слитки.

Осыпаясь, хрустит под ногами песок.
Лёгкий парус скользит под рассеянным взором.
Проступает на отмели соль... И высок
небосвод над спокойным Таврическим морем.

Сумерки

Над озером кульбиты коромысл.
Неспешный разговор. Вопросы и ответы.
И взгляд, что различает не предметы,
но тень предметов. Их сакральный смысл.
Ладонь скользит по плоскости стола:
льняная скатерть, сахарница, ваза
из хрусталя, но сумерек зола
наводит ретушь на сетчатке глаза.
Темно. И кем-то сказанная фраза
течёт и застывает как смола.

* * *

Сочащиеся сумерки из пор
пустынных улиц. Фонари и те
бессильны в этой схватке. Старый двор
почти неузнаваем в темноте,
заполнившей вселенную на треть,
где кольца дыма и вина глоток —
как средство впасть в анабиоз, и лишь
сощурен глаз, пытаюсь рассмотреть
над головой нависший потолок,
фактуру стен и очертанье крыш
на фоне прохудившихся небес,
торгующих дождём из-под полы.
И, шлепая по лужам, под навес
спешит прохожий. Сдвинуты столы
ночных кафе. И ливень льёт в окно
и превращает в хлябь земную твердь.
Ты с этой непогодой заодно.
И сердце камнем падает на дно
колодца, чьё название — не смерть
ещё, но боль. И за окном темно
как в омуте. И легче умереть.

* * *

Нет ни **завтра**, ни **после**,
а есть только **здесь** и **сейчас**.
И фонарь на углу,
и луна, что над домом повисла,
как и неба слюда,
не имеют значенья без нас.
Ни пространство, ни время без нас
не имеют резона и смысла.

Тихих улиц предутренний сон,
и июльский рассвет,
полыхающий жарко
в оконной надтреснутой раме,
и отчётливый твой
на песке отпечатанный след
только здесь вместе с нами живут
и уйдут вместе с нами.

Ну а я полной грудью дышу
и живу на бегу.
Только крепче стараюсь запомнить
любимые лица.
Что мне делать с любовью моей?
Ни с собой её взять не могу,
ни проходим раздать —
лишь немного с тобой поделиться.

Ты

Ты — ткань огня и сумрака стена,
тугих небес натянутые нити,
бездонная ночная пелена
и солнце воспалённое в зените;
доверчивость ресниц и кротость век,
прохлада простыней
и сна прикосновенье,
гуденье пчёл в садах, и первый снег,
и вёсен бесшабашное цветенье;
листы переплетённой кружева
над головой,
рассветы и закаты;
дремотных трав упругих тетива
и грома отдалённого раскаты;
озноб, и грохот проливных дождей
по мостовым, и радуг коромысла
в круговороте безмятежных дней,
исполненных гармонии и смысла.

Ты — кораблей бумажных паруса
в ручьях звенящих,
фонарей мерцанье,
и утренних трамваев голоса,
и площадей застывшее молчанье.
Ты — даль иной неведомой земли,
плоды её, наполненные соком.
Ты — облако, плывущее вдали
в прозрачном небе, чистом и высоком.
Ты — небо,
в брызгах солнца столько лет
хранящее тепло и гомон птичий.
Ты — стая птиц, летящая на свет.
Ты — жизнь сама.
Не счесть твоих обличий...

* * *

Глаголов упорная битва.
Шеренги прочитанных книг.
Здесь каждое слово, как бритва —
ласкает и ранит язык.

Набеги языческих конниц.
Таинственный скрип половиц.
Уютное время бессонниц
под медленный шелест страниц.

Вечернее

Помедлив на последнем рубеже,
скупое солнце прячется за крыши.
О том, что дело к вечеру уже,
я промолчу, но ты меня услышишь.
Ты свет зажжёшь, и тьма сойдёт на нет.
Прикроешь в доме окна, чтобы тыщи
ночных гостей, стремящихся на свет,
не вторглись в наше скромное жилище,
в котором только двое — ты и я,
живём как две нахохленные птицы.
Зачитанную книгу Бытия
открыв на заключительной странице,
мы будем молча наблюдать в окно
Вселенную от альфы до омеги,
как на плывущем к вечности, давно
от берега отчалившем ковчеге,
и плыть, и плыть сквозь законный мрак,
в холодное стекло уткнувшись лбами,
и чувствовать всё явственнее, как
ночная тень сгущается над нами.

* * *

Ты одна. И другой не надо.
Лишь Твоё повторяю имя.
В галереях Лувра и Прадо
нет равной Тебе богини.

Умираю, молю, ревную
и не знаю пути иного.
Кто Тебя изваял такую?
Донателло? Роден? Канова?

Или, может, в порыве страсти,
вдохновения и азарта
твой портрет рисовал Пикассо,
Рафаэль или Леонардо?

Искусство

Александру Домогарову

В восторге, стиснуты до хруста,
кипят и рукоплещут ложи.
Смешной паяц, твоё искусство
так на безумие похоже.

Когда толпа ревёт, ревнует,
беснуется и ждёт развязки,
поэт над рифмами колдует,
художник смешивает краски.

И в тёмной глубине сознания
из хаоса воображенья
рождается звезды мерцанье,
где всё — любовь и вдохновенье.

Сцена

Андрею Житинкину

Вот занавес поднят. Играется новая пьеса.
Выходят актёры в лучах приглушённого света.
Почтенная публика будет следить с интересом
за сменой явлений и за развитием сюжета.
Слой грима и ярко раскрашенный мир декораций.
На этих подмостках мы все, пусть немного, артисты.
Запутана фабула, так нелегко разобраться,
в чём замысел драмы и кто здесь герой, кто статисты.
Шуты и монахи, злодеи и клоуны в масках.
Любовные страсти, наветы, интриги, измены.
И вот — кульминация, скоро наступит развязка.
Актёры, сыгравшие роль, постепенно уходят со сцены.
Над тёмным партером плывущие звуки оркестра.
Души замиранье, дыханье притихшего зала.
И всё, что случится в последней картине,
примерно известно,
но занавес поднят, и нужно дождаться финала.

Поэзия

Прихоть. Выдумка. Причуда.
Из глубин сознания, из
пустоты, из ниоткуда.
Мимолётна, как каприз.

Росчерк шалости мгновенной.
Память выстраданных мук.
В недрах дремлющей Вселенной
зарождающийся звук.

И бежит за строчкой строчка.
Долг диктует, страсть слепа.
Пусть слова лишь оболочка,
прах, обёртка, скорлупа,

но из гулкой тьмы крошечной
(лишь поближе посмотри)
пробивается нездешний
свет, таящийся внутри.

Творец

Есть оды, вдохновляющие нас,
и гимны, поднимающие дух.
Есть линии, приятные для глаз,
и звуки, услаждающие слух.

Гармония, твоя безмерна власть.
Не отменить и не перечеркнуть
ни танца обжигающую страсть,
ни музыки божественную суть.

Творец, художник, мастер, виртуоз.
Он больше чем Вселенная, чем Бог.
Шекспир, Антониони, Берлиоз,
Бетховен, Микеланджело, Ван Гог.

Изобретай, выдумывай, твори!
Актёр, играй! Скрипи пером, поэт!
Отдай всё без остатка и стори,
как бабочка, летящая на свет.

Гармония

И небо, далеко на сотни вёрст,
сияющее россыпями звёзд,
и звёзды в целлулоидной слюде,
как льдинки, отражённые в воде,
и море, изменяющее цвет
от тёмно-бирюзового до свет-
ло-голубого, и земля,
и птиц полёт, и парус корабля —
всё существует издревле и вновь
в гармонии по имени Любовь!

* * *

Форма, звук, структура, цвет...
У природы красок много.
Мастерская, где поэт —
инструмент в руках у Бога.

Мастихин, перо, резец
или грифельный обычный
карандаш, смычок скрипичный,
просто голос наконец.

Памяти Мандельштама

Бьёт свинцовая дробь. Остывает в колодце вода.
Загустевшая мгла и холодных небес полусфера.
Полустанки, вокзалы, бегущие вдаль поезда.
Запрокинутый вверх подбородок слепого Гомера.

Снова хмурый октябрь барабанит по стёклам. Ответь,
отчего эти иглы дождей так пронзительно колки?
Кто простит тебе вещей стихов вдохновенную медь
и в глазах флорентийского неба осколки?

Всё темнее за окнами сумрак, и дождь всё сильнее.
За дощатой стеной веет ветер, смыкая ресницы.
Влажный лепет Невы и мерцанье ночных фонарей —
этот город вдали нам с тобою, наверное, снится.

Над погостами звон похоронный и плакальщиц вой.
Глинозём и суглинок — как памяти высшая мера.
Часовых переключка и в ночь уходящий конвой.
Запрокинутый вверх подбородок слепого Гомера.

Импрессионисты

Май. Цветение сирени.
Пахнет свежестью земля.
Небо, солнце, свет и тени,
маки, крыши, тополя.

Ранним утром на пленэре,
взяв этюдник и мольберт,
в Буживале и в Аньере
или в Эксе, например,

за фиксацией мгновений,
чтобы только бы успеть
ворох новых впечатлений
на холсте запечатлеть.

Ощутить их в полной мере
поспешим скорей сюда!
Здесь, друзья, в Ла Гренуйере
плещет золотом вода.

Здесь как музы на Парнасе
женщины — лови момент!
У мамыши Клэр в запасе
есть кальвадос и абсент.

Ярче день, и небо ближе.
Аржантёй и Пти-Женвиль.
Ведь отсюда до Парижа
лишь каких-то восемь миль.

Полчаса всего лишь тряски.
Рельсы, шпалы, поезда.
Только кисти, только краски.
Только солнце и вода.

Облака глядятся в окна.
Мутной Сены берега.
Ещё влажные полотна
Ренуара и Дега.

Поэт

День короткий тает.
Лысоват и сед,
нам стихи читает
пожилой поэт.
Хрипловатый голос,
отрешённый взгляд.
Он, как цепом колос,
временем помят.

С юношеским жаром,
с книгою в руке,
в полинялом старом
сером пиджаке.
Не застёгнут ворот.
И года не в счёт.
Он давно немолод
и, наверно, пьёт.

Подорвали силы
суетны дела.
Жизнь его долбила
и не берегла.
Но не доломала.
И летят легки
над притихшим залом
бабочки-стихи.

Лётчик

Стрелой пернатой, камнем из пращи
взмываю ввысь — ищи меня, свищи!
В порыве вдохновения, в азарте
я поднимаюсь выше облаков.
Ещё, казалось, здесь — как был таков!
Уже лишь точка на планшетной карте.

Я невесом и лёгок, словно пух.
От скорости захватывает дух.
Здесь дальше горизонт и ярче звёзды.
Крылом поймав воздушную струю,
я ей дышу и пьяный ветер пью,
винтом железным вспарывая воздух.

Смотри за мной внимательней, дружок.
Я совершаю затяжной прыжок
с земли до неба. В голубом атласе
небесных сфер летит мой самолёт:
как птица кувыркается и вот —
ныряет вниз и выпускает шасси.

О природе вещей

Сию наблюдаю за морем, как древний Овидий.
В прибрежном кафе насыщаюсь салатом из мидий,
внимая застольным речам чуть подвыпивших кхмеров, —
бродяга, турист, пилигрим, путешественник херов.

Лукреция томик в руках и холодное пиво.
Вечернее солнце садится за кромку залива.
Ленивые волны качают рыбацкие лодки.
Терзаюсь извечным вопросом: не выпить ли водки?

От выпитой дюжины пива светло и прохладно.
Ещё один день погружается в Лету — и ладно.
Под крышей свежо, а снаружи и влажно, и жарко.
Почём эти мидии? Сколько? *One dollar?* Не жалко!

И если Лукреций не прав, то лишь только отчасти.
Вид на море, мидии, пиво — не это ли счастье?
Обычное счастье. Так стоит ли ждать перемены
на самом пределе земли, на краю Ойкумены?

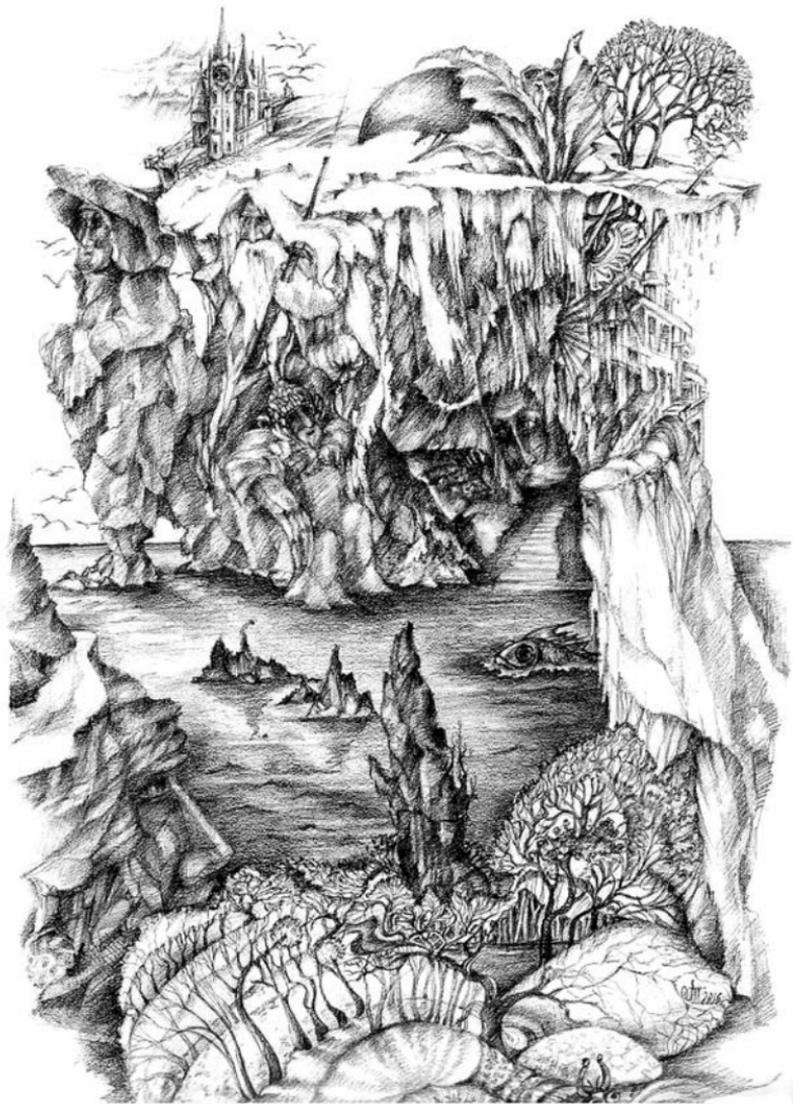

Белеют паруса вдали,
и бешено поют цикады.
Сюда из сказочной Эллады
не раз ходили корабли.

Бросали якоря на дно
у скал высоких и угрюмых.
Шерсть и льняное полотно,
пеньку и воск хранили в трюмах.

Сойдя на берег, моряки,
достигнув вожаделенной цели,
за горизонт из-под руки
смотрели вновь и песни пели.

Меняли драхмы на зерно
в тени олив и кипарисов.
И пили терпкое вино
во славу бога Диониса.

* * *

Богиня, девочка, царица,
подруга ветреного лета.
Она бежит, чтоб раствориться
в сиянье солнечного света,
стать лавром, олеандром, птицей,
свирелью — тростником, согретым
губами Пана, — превратиться
в морскую пену, в камень, в глину,
в высоком небе голубином
безудержным дождём пролиться.

Зазеркалье

Мы встречи не ждём
и друг друга не слышим
среди разговоров
случайных и праздных.
Мы помним и любим,
мы верим и дышим
в мирах параллельных,
в субстанциях разных.

И прожитых лет
обрываются звенья,
и льются дожди,
и беснуется вьюга,
а ты — в Зазеркалье,
в ином измеренье,
и нам никогда
не увидеть друг друга.

Из каменных сот,
где душно и жарко
как в пекле,
двигаясь в мыле, в пене,
дойти до ворот городского парка,
чтобы часами бродить без цели
среди
давно не дающих тени
деревьев,
стоящих на карауле,
что ветви расправить едва успели,
что листья опали ещё в июле.

И дальше —
в бреду, в забытии, в запале —
идти,
задыхаясь от гари и пыли,
где небо как лист раскалённой стали
висит над домами.

Дома оплыли
как свечи из воска,
из стеарина,
пожухли
почти неприметно для глаза.
Идти по земле
и твердеющей глине,
приобретающей свойства алмаза,
железобетона.
Где птичьи стаи,
напоминающие эриний,
клюют хлебный мякиш.
Идти, наблюдая
за чёткостью и непрерывностью линий,
что делят надвое свет и тени
в наступающих сумерках,
проводящих
по небу, деревьям,
кустам сирени
черту между прошлым
и настоящим.

Жизнь проходит, значит, так и надо:
было-сплыло, поросло быльём.
Тянет в окна раннею прохладой,
пахнет утро стиранным бельём.

Новый день встаёт неторопливо.
Стынет в бочке тёмная вода.
Ветер бродит в зарослях крапивы.
Суеются утки у пруда.

Плеск воды и, как напоминанье
о былом, колеблемый, сквозной,
солнца луч на отмели, купанье
и дорога долгая домой.

* * *

Сгорало дотла воспалённое лето.
Был день, как бумага, бел.
Качалась земля, и наполнилось небо
звоном хрустальных стрел.

Внизу тополя задыхались от зноя,
витринное пело стекло.
И падала в руки горячая хвоя,
и время сквозь пальцы текло.

И плыли над миром, над болью и былью
откуда-то издалека
зелёных стрекоз слюдяные крылья
и розовые облака.

Август

Дело к осени. Август.
Мириадами глаз
древнегреческий Аргус
смотрит с неба на нас.

Этот месяц античный
знает всё наперёд,
по бульварам столичным,
напевая, идёт.

В колее подворотен
катит дней колесо.
Словно воздух, бесплотен
и почти невесом,

самолётиком тает
в голубой синеве.
В косы ленту влетает
порыжелой листве.

Дням безветренным, летним
поубавив огня,
поцелуем последним
осеняет меня.

Встреча

Дождинки мелкие секут
лицо и плечи.
Три тысячи шестьсот секунд
до нашей встречи.

До мига, стоять что готов
иных столетий.
До разговора не из слов —
из междометий.

До звона выпавших ключей
на мокрых плитах.
До сердцу милых мелочей,
давно забытых.

До бестолковой суеты
у касс вокзала.
До бесконечного: «А ты?» —
«А ты сказала?»

До нас, скрывающих испуг
и боль в уловках
нетерпеливых этих рук
и губ неловких.

И пусть надсаженный гудок
хрипит протяжно,
ведь всё, что в жизни было до, —
уже неважно.

Дома мелькают, провода
повисли косо.
Бегут по рельсам поезда,
стучат колёса.

Составы скорые идут,
дождям перечая.
Три тысячи шестьсот секунд
до нашей встречи.

Петербург

Чудесный сон, видение, мираж,
старинный друг, сообщник тайный наш,
чьи окна вновь в глаза мои глядят
из-за чугунных кованых оград.

Дворцов и площадей прекрасный вид.
Река Нева, одетая в гранит,
на фоне безупречной синевы.
И Летний сад, и каменные львы.

Не пресловутое окно, не колыбель
переворота — небо и апрель,
продрогшие в колодезных дворах.
И солнце на высоких куполах.

Короткая и чахлая весна,
но тем не менее лишаящая сна
влюблённых почитателей своих.
Дробь каблуков на гулких мостовых.

Здесь оживают прошлые года.
В каналах стынет чёрная вода.
И дуют бесконечные ветра
над городом — творением Петра,

где наши тени вместе, вдалеке,
по Невскому идут рука в руке.
Где мы опять немного влюблены.
Где до сих пор шаги мои слышны.

Всё меняется: чисел значение,
рек течение, движение планет.
В этом будничном круговращении
ничего постоянного нет.

Гаснут звёзды, границы стираются,
города рассыпаются в прах.
Мы — полночного мира скитальцы —
как слепые блуждаем впотьмах.

И, смиряясь навек с неизбежностью,
с тем, что мы называем судьбой,
смотрим в небо с любовью и нежностью
на вечерний закат грозовой.

Тучи

Так июльское щедрое солнце куражилось вволю,
что казалось, господство его ещё долго продлится.
На горячий и пыльный державной Москвы Капитолий
триумфатором август въезжал в золотой колеснице.

Опрокинулись дни под ногами возниц неумелых.
Осень ржавит листву, да и то это только начало.
Сотни туч вороных, и гнедых, и каурых, и серых
понеслись над землёй табуном лошадей одичалых.

Разбежались по небу. Ни богу, ни чёрту, ни ветру
ни за что не догнать — ни ответа от них, ни привета.
Осень гончих собак собирает в погоню, но тщетно —
их в уютное стойло уже не загонишь до лета.

Над полями бегут, развевают косматые гривы.
По раскисшим дорогам стучат ретивые копыта.
Это дождь барабанит мне на ухо без перерыва:
ничего не забыто, прости, ничего не забыто.

По осеннему Летнему саду

Нет мне с бедными мыслями сладу.
То ли в памяти, то ли в бреду
по осеннему Летнему саду
словно призрак бесплотный бреду.

По безмолвным, пустынным аллеям
от начала начал до конца,
где опавшие листья алеют,
как сгоревшие наши сердца.

Где остатков ночного тумана
по траве разлилось молоко,
по заросшим тропинкам упрямо
я иду далеко, далеко.

И, назад в листопадную замять
возвратясь по знакомым следам,
об утерянном времени память
сохраню и вовек не предам.

Осень

В саду последняя листва
насквозь промокла.
Дождинки мелкие едва
скользят по стёклам.

Деревья жмутся на ветру,
топорщат ветки.
Всё громче музыка разлук,
а встречи редки.

Текут ручьи по мостовой,
и монотонно
дожди стучат: то вразнобой,
а то синхронно.

Их надоедлива игра
тире и точек.
Темней, длиннее вечера,
а дни короче.

Земля под натиском воды
совсем раскисла.
В прогулках под дождём коты
не видят смысла.

А на душе, как за окном,
темно и скверно.
Стоит прохожий под зонтом
и курит нервно.

Ну что, прощаемся? Пока!
До встречи в восемь?
И, словно рана, глубока
на сердце осень.

Вендетта осени

Ещё немного робкого тепла,
ещё немного солнечного лета,
но осени кровавая вендетта
уже сжигает улицы дотла.

Дома, насквозь открытые ветрам.
До набережной дальние прогулки
по мокрым тротуарам и по гулким
вечерним переулкам и дворам,

где отзвук наших в унисон шагов
от судных дней
нас защитить не сможет.
А зелени шагреновая кожа
сжимается в преддверье холодов.

В круженье опадающей листвы
мы снова верим новым обещаньям.

И с медленным природы увяданьем
смирненно соглашаемся, увы.

Ещё немного робкого тепла,
ещё немного солнечного лета,
но осени кровавая вендетта
уже сжигает улицы дотла.

Ветрено. Хлопают ставни.
Падают капли слепо.
Спор вековой, давний,
между землёй и небом.

Между целым и дробью
дождей по железным крышам.
Октябрь истекает кровью
рябин. Был, да весь вышел.

Как молодой сеттер,
жар ощутив под кожей,
тихо ворча, ветер
ветки осин гложет.

То замрёт у дороги,
то подойдёт ближе.
Мордой тычется в ноги
или ладони лижет.

Дождь исполняет грубо,
путано и сумбурно
на водосточных трубах
элегии и ноктюрны.

Влаге подставь губы.
Слышишь, звучат горны,
флейты, волынки, тубы,
чембало и валторны?

Мокнут в саду аллеи.
Паузы и длинноты.
И с каждым днём тусклее
осени позолота.

Никогда

Осень. Время утрат.
Сказаны все слова.
Пёстрая от заплат
мокнет в саду листва.

Тянется дней нить.
Кружится вороньё.
Как нашу жизнь делить
на «твое» и «моё»?

Осень — пора потерь.
Убыли дни на треть.
Что потерял — теперь
где там искать-свистеть?

Высохший лист, как флаг,
треплется на ветру.
Станут деревья так
голыми поутру.

Осень пугает след.
Ветер сводит с ума.
Завтра выпадет снег.
Завтра придёт зима.

И превратится в лёд
в чёрном пруду вода.
Ворон в саду не врёт,
каркает: «Никогда!»

Скучаю

Нет, жребий мой неслучаен.
Всё вытерплю и приму.
Но всё же опять скучаю
по голосу твоему.

По зуммеру телефона,
звонящего поутру.
По проводам у перрона
на холоде, на ветру.

По выверенным, неспешным,
казалось, простым словам,
по резким твоим насмешкам,
читаемым по губам.

Так призрачно всё и хрупко —
и будет таким и впредь.
Возьми же скорее трубку!
Скорее, молю, ответь.

* * *

Густое утро пробую на вкус,
на звук и цвет, на ощупь и на запах.
Морозный воздух пахнет как арбуз.
И будущность стоит на задних лапах
передо мной и жарким языком
ладони лижет с радостью собачьей.
Мне слёзы застыт свет, и в горле ком.
Но день пока не начался, а значит —
всё впереди ещё: и Божья благодать,
и горный путь, и этот мир пред нами,
что можно без конца перебирать
глазами, сердцем, пальцами, губами.

Надрываются, дуют метели,
и стоят, чуть насупясь, дома.
Значит, птицы не зря улетели.
Значит, всё-таки будет зима.
Заметёт, закружит, огорошит,
заморочит, следы заплетёт.
Долгожданным снежком заporошит,
все тропинки кругом занесёт.
Сквозняки будут шарить в потёмках,
будут снова о чём-то корить.
Будут петли скрипеть и позёмки
по дорогам промозглым крутить.
Ветер ветки деревьев изложет,
от листвы не оставив следа.
И гусиной покроется кожей
в городских водоёмах вода.
А ещё будет мех в рукавице,
тёплый угол, нехитрая снедь.
Будет чай на плите кипятиться
и настольная лампа гореть.

За окнами иней искрится.
Играет в снежки детвора.
А стало быть, в путь торопиться
ещё не настала пора.
Ещё не нашли мы ответа
на вечный вопрос роковой.
И песенка наша не спета,
и вьётся дымок над трубой.
Так пусть же снежинки летают
над накипью прожитых дней.
Пусть музыка громче играет
и сердце стучит веселей!
Покуда часы наши длятся,
есть смысл прямой и резон
всему удивляться, влюбляться,
держат как когда-то фасон.
И, словно забыв на мгновенье
про годы и зимние сны,
опять замирать от волнения
и ждать наступленья весны.

Ищу человека

Ищу человека. По следу
по белому свету иду.
За ним зябкой полночью еду.
На станции с поезда жду.

Повсюду, везде, повсеместно.
Неделю, и месяц, и год.
Мне имя его неизвестно,
ни улица, где он живёт.

Ищу. Пробираюсь сквозь темень
настойчивей день ото дня.
А он в то же самое время,
наверное, ищет меня.

Он словно потерянный ходит,
судьбу свою горько кляня.
И тоже меня не находит.
И так же страдает, как я.

Иду наудачу, плутаю.
Ищу как иголку в стогу.
Но твёрдо одно только знаю:
что я без него не могу.

И так до скончания века
ищу одного, моего,
единственного человека.
А вы не встречали его?

* * *

Метут, метут метели,
и липкий лепит снег.
Как будто в самом деле
прощаемся навек.

И тучами над нами
затянется просвет.
Как будто знаем сами:
назад дороги нет.

Гуляет ветер в поле.
Уходит поезд в ночь.
И неизбывной боли
уже не превозмочь.

Стучит, как дятел, в темя.
Бьёт в бровь, под дых и в пах.
Остановилось время
на каменных часах.

Неразличимы звуки,
не распознать следы.
И холодеют руки
в предчувствии беды.

О чём ещё писать, как не о лете,
в бесцветной и промозглой полумгле
вечерних сумерек
при приглушённом свете
настойной лампы на моём столе,
когда иллюзий пёстрые картины
вдруг невзначай проявятся из тьмы
и в комнату вплывут, как бригантины,
среди метелей, снега и зимы?

О чём справляться, как не о погоде,
у хмурого, седого декабря,
когда последний месяц на исходе
и ветер рвёт листки календаря?
И в четырёх стенах пустого дома,
день проведя в смиренье и мольбе,
в уютном кресле, в сладкой полудрёме,
о ком мне думать, как не о тебе?

* * *

Со временем былая пустота
наполнится вдруг воздухом, дыханьем,
прикосновеньем рук, сердцебиеньем
и новой дивной музыкой, а та
в себя впитает шорох и цветенье
травы, деревьев, птичий щебет, цвет
закатных облаков. И будут слух и зренье.
И будет свет.

Рождественское

На окне зима рисует,
не жалея белой краски,
силуэты рыб, растений,
птиц и абрисы домов.
Ты лежишь
под тёплым пледом
и рассказываешь сказки
про Спасителя-младенца,
про Марию и волхвов.

О царях, драконах, пальмах
и о древнем Вифлееме,
где на предрассветном небе
загорается звезда.
А у нас и звёзд не видно,
и совсем другое время,
и деревья из-под снега,
и дороги изо льда.

Там везут через пустыню
флегматичные верблюды
из далёкого Востока
драгоценные дары.
Ты рассказываешь сказки.
Ты по-детски хочешь чуда.
Хочешь вымыслов волшебных,
тайн, загадок и игры.

Рождество вот-вот настанет.
Вон оно, уже за дверью.
Сыплет снег без перерыва
в нашей северной глуши.
Говори о чём захочешь,
всё равно я не поверю
ни в спасительную сказку,
ни в бессмертие души.

Новогоднее

Нарезанный, как хлеб, морозный воздух.
Верблюжки варежки чуть велики и колки.
Фонарики, пластмассовые звёзды
и мишура на новогодней ёлке.

Мальчишечьи серьёзные заботы.
Сверкающие яркие витрины.
На праздничном столе ситро и шпроты,
бисквитный торт, халва и мандарины.

С гор ледяных скользящие салазки,
весёлые, смеющиеся лица.

И на ночь перечитанные сказки
о Муромце, Кощее и жар-птице,

о Чудище Морском и Сером Волке,
волшебных заклинаньях и сим-симах...

Воспоминаний хрупкие осколки
так красочны, так выпуклы и зримы.

И кажется, что всё ещё вернётся,
и Серый Волк тряхнёт косматой гривой,
и девицей жар-птица обернётся.
И будет жизнь и долгой, и счастливой.

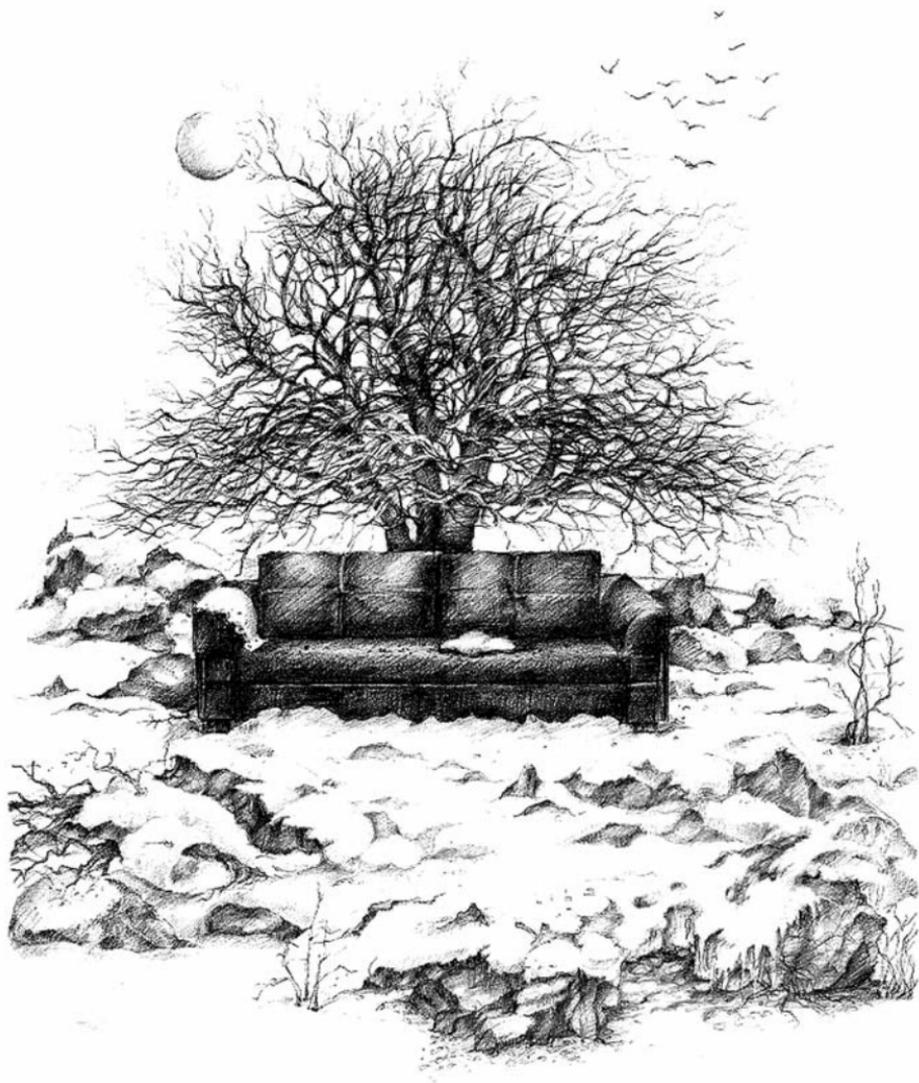

Зима в одежды белые одета.
Стучится в дверь настойчивый февраль.
О том, что далеко ещё до лета,
напомнит мне настенный календарь.

Огромный город снегом припорошен,
высоких крыш величественный вид.
Деревьев хруст, и только о хорошем
нам радио сегодня говорит.

Метёт метель, и нам не снять заклатья —
среди спящей, мутной пелены,
друг другом заключённые в объятия,
мы холодом зимы обручены.

На улицах колючий снег и вьюга
сбивает с ног. И сколько ещё зим
заботливо и бережно друг друга
нам согреть дыханием своим?

День морозный, солнечный, бодрящий.
Выходи на улицу со мной!
Загляни в меня — я настоящий.
Слава богу, я ещё живой.

Я богам языческим подобен.
Мне любое дело по плечу.
Я ещё на многое способен
и ещё так многого хочу:

жить, любить, без удержу смеяться,
совершать ошибки и грехи,
у ночных подъездов целоваться,
песни слушать, сочинять стихи.

И ничто — ни тяготы, ни время —
не остудит моего огня.
Об одном прошу: ты только верь мне
и не останавливай меня!

Февраль

Ещё февраль, и продолжает вить
и заматать промёрзшую дорогу
косматая метель, но понемногу
день удлиняется, а значит, будем жить.

А значит, будем скорый суд вершить
над дряхлою зимой и не бояться
в который раз как в первый раз влюбляться
и заспанные чувства тормошить.

Шагать под мокрым снегом наугад,
ворон считать, смеяться невпопад,
и целоваться, и болтать беспечно.

Смотри: сияет словно медный таз
огромный мир, придуманный для нас,
и даль светла, и время бесконечно!

Бабочка

Она как бабочка. Ея
воздушна суть.
Смотрю, дыханье затая, —
боюсь вспугнуть.

Над головою крыльев нимб,
легка пыльца.
Тончайшей линии изгиб —
овал лица.

Парит в оправе облаков.
Ещё виток.
Среди диковинных цветов
сама цветок.

А сердце ноет наперёд,
душа болит.
А вдруг она сейчас возьмёт
и улетит?

Перед рассветом

Во тьме, стремящейся к нулю,
в канун рассветного сполоха,
чужого выдоха и вдоха
благословение ловлю.

Душой, что воспаряет ввысь,
и телом, прикорнувшем с краю,
всем существом своим взываю:
мгновение, остановись!

Пусть мир покоится в тени.
Пусть день, несущий света бремя,
не настаёт — ещё не время.
Молю его: повремени!

* * *

Поддержи меня словом, плечом.
Не смотри в пустоту обречённо.
Моя жизнь без тебя — ни о чём.
Бесполезна, напрасна, никчёмна.

Без волнующих искр, без огня,
что пылает в груди и который
греет душу. Так будь для меня
самой крепкой, надёжной опорой.

Чтобы рядом с тобой поутру
ощущать эти искры полнее.
Чтобы губы твои на ветру
целовать, ни о чём не жалея.

Античность

Обходит Патмос стороной гроза.
Жужжит веретено в руках у Клото.
К Прокриде возвращается Кефал.
Танцует Дафна, и поводит бровью
Зевс-громовержец, наблюдая за
укромной заводью, где стрелами Эроса
сражённый фавн в тени прибрежных скал
и нимфа занимаются любовью.

Что прячут небеса и что лежит на дне —
неведомо богам, а смертным и подавно.
Века и годы проплывают плавно.
А истина, как водится, в вине,
в мерцанье звёзд, в стремленьи к новизне
природы и в телодвиженьях фавна.

Да будет так: чередованье встреч
с разлуками лишь горизонт раздвинет.
Пускай любовь, что мы смогли сберечь,
и в будущем нас также не покинет.

Пусть времени стремительный поток,
который в берег бьёт и волны пенит,
для нас с тобой не будет столь жесток
и наших упований не отменит.

Пройдут года, но пусть в твоём лице
ничто мне не напомнит о печали
и чувство, что связало нас, в конце
таким же сильным будет, как в начале.

Пусть молодость рассеется как дым,
мы жар сердец навеки сохраним.

Встречаю взгляд и отвечаю взглядом,
улыбкой, жестом, нежными словами.
Как хорошо, что ты со мною рядом
и нет былой обиды между нами.

Угадывать знакомые черты
и узнавать шаги на расстоянье.
Как хорошо, что у меня есть ты —
мой друг, моя любовь, моё дыханье.

И пусть со временем небесный окоём
поблекнет в миг и обмелеют реки.
Как хорошо, что мы с тобой вдвоём
любовью нашей связаны навеки.

Не звёзды мы, но каждым новым днём
друг другу дарим свет, пока живём.

Такая погода: ни зги не видать
и ветер промозглый.
Ещё уходящее время догнать,
быть может, не поздно.
Быть может, не поздно вскочить на ходу
в автобусик тесный.
Пусть где-нибудь с краю, не в первом ряду
занять своё место.

Но хмурое небо, пожалуй, не даст
последнего шанса.
Хрустит под ногами слежавшийся наст.
Три дня до аванса.
Хоть как-то дожить, доползти, дотянуть
до счастья, до лета.
И в этом желанье сегодня вся суть
моя как поэта.

* * *

Когда как тень вползает в дом беда,
всё изменяя раз и навсегда,
когда в глазах кружится потолок,
когда земля уходит из-под ног,
из дома выйти. В сумерки. В метель.
Туда, где ветер двери рвёт с петель.
Идти напрапалую, напрямик,
в глухом пальто, уткнувшись в воротник.
То медленно, то ускоряя шаг, бегом,
хватая воздух судорожным ртом.
Как с головою в омут, в петлю, в бой,
не видя ничего перед собой,
не глядя на прохожих и дома,
не думая, чтоб не сойти с ума.

День не заладился в самом начале.
Полнился заревом цвета крови.
Часы на комодѣ утрюмо молчали,
остановившись на полуслове.

Тщетное время в попытках грубых
просто проснуться — всегда слишком рано.
Вода, настоявшись в проржавленных трубах,
долго и шумно текла из-под крана.

Утренний чай, остывающий завтрак —
всѣ как всегда и до боли знакомо...
Люди, кутаясь в шубы и шарфы,
как на войну выходили из дома.

Война

Скажешь с досадой: пошёл ты на...
Разве не видишь — идёт война.
Идёт война, разрази меня гром,
света со светом, добра с добром.
Война всех со всеми и против всех
всех поровну делит на этих и тех.
Чуешь под кожей воинственный зуд?
Око за око, зуб за зуб.

Эти считают, что правы, а те
уверены так же в своей правоте.
Ни этих, ни тех не упрятать в рукав.
Каждый из них по-своему прав.
В каждом есть свет, и на каждом вина.
Вот потому и идёт война,
в которой не так уж и важен успех.
Война всех со всеми и против всех.

Синоптики

Повседневные ожидания,
постоянные опасения
то всеобщего похолодания,
то глобального потепления.

Прогнозируемые заранее,
но берущиеся под сомнение
то периоды снеготаяния,
то периоды оледенения.

Климатологи и синоптики,
энтузиасты и скептики
в теории и на практике

с помощью линейки и оптики
вычисляют наклон эклиптики
в нашей богом забытой галактике.

Вражда

Мусор рассыпаешь из ведра.
Без причины хмуришься с утра.
Сигареты со стола берёшь.
Долго из-под крана воду пьёшь.

Нить вдеваешь в швейную иглу.
От обиды куксишься в углу.
Исподлобья на меня глядишь.
За стеной посудую гремишь.

Может, встала ты не с той ноги?
Может, мы с тобой почти враги?
И, враждой истерзанные в прах,
говорим на разных языках.

В час, когда тебе на целом свете
вдруг покажется —
есть только ночь и снег,
знай, что на одной с тобой планете
есть далёкий близкий человек.

Он и сам порой не понимает,
в чём его предназначенье, лишь
он твой чуткий сон оберегает
в этот самый час, когда ты спишь.

Ты его не видишь и не слышишь,
но, чтоб сон твой утренний продлить,
это он включает звук потише,
солнце закликает не светить.

И в тебя, отравленную ядом
нетепла, неласки, нелюбви,
снова жизнь вдохнёт и будет рядом.
Ты его лишь только позови.

Маме

«Ука-дудулька», «ука-одичка» —
первые в жизни слова.
Неторопливо ползёт электричка
детства, плетётся едва.

Дальше быстрее. И строчка за строчкой
пишутся новые дни.
Вот и на чуточку выросла дочка.
Спи, дорогая, усни.

Едем по кочкам, жмурки и прятки —
полон забав арсенал.
Не беспокойся. Всё в полном порядке.
Папа ещё не устал.

Горе

Сидя в плетёном кресле,
за временем не следить.
Можно представить, если
крепко глаза закрыть,
здесь, среди вечного лета,
словно бы наяву,
где-то за краем света
предпраздничную Москву.

Можно увидеть украдкой,
будто бы вон вдали,
пряничные палатки,
Старый Арбат, Фили.
Улочки в снежной истоме
торжественны и тихи.
Меня в нашем старом доме,
пишущего стихи.

Вот оказаться где бы...
Очнёшься, глаза открыв:
над головою небо,
а под ногой — прилив.
До горизонта море.
Такое житьё-бытьё.
Горе моё ты, горе.
Луковое моё.

Пейзаж

1

Кот сидит за занавеской.
Вот он есть как был таков.
За окном пейзаж нерезкий
из деревьев и домов.

Из какой-то грязной жижи,
припорошенной слегка
мокрым снегом. Выше, ниже
проплывают облака.

И, казалось бы, невзрачный
тот пейзаж, поди ж, а вот
сквозь пургу в ларёк табачный
пробирается народ.

Он идёт и дышит паром —
через площадь, по мосту.
От народа перегаром
тянет ровно за версту.

Он лицом не очень вышел,
неухожен и небрит...
На ларьке под самой крышей
тускло вывеска горит.

2

Снег кружит в оконной раме,
но февраль идёт на нет.
Вон вдали за облаками
намечается просвет.

Это южный ветер гонит,
разгоняет облака.
А народ всё не уходит,
всё толпится у ларька.

Он ещё не понимает
перемен с их новизной
и растерянно вдыхает
воздух, пахнувший весной.

Он не знает то, что ветер
уж несёт благую весть,
что любовь жива на свете
и надежда тоже есть,

что настанет вновь минута
верить, чувствовать, любить.
В то, что ты ещё кому-то
очень нужен, может быть.

Вот так и бывает

Вот так и бывает. Казалось, навечно замрёт
природа и холодно станет от стыни внутри и снаружи.
И ломкий, колючий, с цветными прожилками лёд
покроем коростовой коркой окрестные лужи.

А где-то под снегом трава, ожидая команды «На старт!»,
для подвигов будущих силу таят в настоящем.
Вот тут-то внезапно, как выстрел, случается март.
И губы немеют, и сердце колотится чаще.

И ты остановишься вдруг удивлённо, почти не дыша.
И это бездонное небо тебя с головой накрывает.
И близкой становится чья-то чужая душа.
Вот так и бывает, поверьте, вот так и бывает.

Мороз за минус двадцать.
Метели кутерьма.
Не думает сдаваться
упрямая зима.

За снежную корону
стоят снеговики.
И держат оборону
последние полки.

Никто в пылу азарта
не струсит, не предаст.
Но под ногами марта
хрустит нетвёрдый наст.

Он день весны торопит,
зимы оковы рвёт,
крошит, кромсает, топит
и взламывает лёд.

За ним войска по следу
несметные идут.
Они несут победу
и пленных не берут.

Ну а покуда, воя,
вразброд, враздрызг, вразбег
летит над полем боя
шрапнелью мелкий снег.

Верую

Верую ныне, и присно,
и во веки веков
в твой силуэт, внезапно
возникший из ниоткуда
в пасмурный мартовский день.
В дробь каблуков
в такт биению сердца.
Верую в чудо.

Имя твоё повторяю
медленно и нараспев,
медленно, словно читаю
молитву, как «Отче
наш». Вначале тихо,
почти про себя,
затем осмелев,
языком касаясь нёба, как неба,
всё громче и громче.

Пристально наблюдаю
за пируэтами птиц.
Чувствую, как прорастают
крылья и за моими плечами.
Верую в пену тяжёлых волос,
в удивлённые взмахи ресниц,
в губы и лоно твоё,
одинокими корчась ночами.

В прикосновение пальцев,
в солнечных глаз глубину,
в тёплые брызги апреля,
в неба бездонную синь.
Между другими, иными,
только в тебя одну
и верую. Ныне, и присно,
и во веки веков. Аминь.

Воздух вдыхаешь жадно, не надеясь на зрение.
Ветер трогает лоб, но не приводит в чувство.
Полдень рябит в глазах, свет чередуя с тенью.
Сердце наполовину полно, наполовину пусто.

Солнцем спрессованный снег пока что имеет место.
Лежит, как старое платье, вышедшее из моды,
в глухих подворотнях. Машины, тормозящие резко,
обдают маслянистой жижей зазевавшихся пешеходов.

Чёрно-белая графика ранней весны. И влажен
асфальт. На окраине города как на краю мироздания.
Так и идёшь, как будто конечный пункт
уже вовсе не важен.
Так и живёшь на свете, не приходя в сознание.

Вот так живёшь, не думаешь, не знаешь,
полжизни собираешь всякий хлам
и ни о чём таком и не мечтаешь,
а где-то там

всё решено: обветренные губы
студёный, влажный воздух пьют, и вот
как медяки начищенные трубы
трубят поход.

Звучит в ночи протяжное: «По коням!»
И всадники садятся в седла, чтоб,
небесный свод, как стяг, держа в ладонях,
пойти в галоп.

И тотчас же приходит всё в движенье,
торопится, волнуется, летит.
Ты чувствуешь уже их приближенье —
они в пути.

И пишутся божественные строчки
под гром копыт, под лошадиный хрип.
И тает лёд, и лопаются почки
набухших лип.

И вот тогда, неведомо откуда
пришедшее неожиданно, верь не верь,
услышишь сам, как маленькое чудо
стучится в дверь.

Воробьи

Воробьи возвращаются в город, щебечут, галдят,
во дворах мельтешат, суетятся у талых помоек.
Вот один как из старого фильма заправский пират,
а другой, посмотри, с жёлтым клювом, особенно боек.

Среди медленных, важных, клюющих зерно голубей
они словно шпана беспризорная из подворотни.
День встаёт над омытой дождями Москвой, и синей
бесконечное небо над Бибирево и Капотней.

Шумный город, как фокусник, прячет весну в рукаве.
Солнце светит вовсю, словно летом, уже без утайки.
И повсюду — на мокром асфальте, пожухлой траве —
рассыпаются шустрой гурьбой воробьиные стайки.

Вон их сколько! Шумят, задираются, прут на рожон.
А недавно ещё пропадали, и где — непонятно.
Наступает апрель. Начинается тёплый сезон.
Воробьи возвращаются в город. И это приятно.

Говори со мной

Говори со мной, о Боже.
Всё, что мучит и тревожит,
Отче, объясни.
Что я в этом мире значу?
Для того ли годы трачу,
месяцы и дни?

От внимательного слуха
не укрыть, как бьётся глухо
моё сердце, ведь —
посмотри — оно живое.
Так откуда я и кто я?
Господи, ответь!

Мне не надо выгод лишних,
ни наград, ни славы, лишь бы
слышать голос Твой.
Бог, Природа, Космос, Небо,
кто б Ты ни был, кем бы не был,
говори со мной.

Апрель

Какая в небе ширь и глубина!
А синева — умри и вновь воскресни!
На баке мусорном, от перемен пьяна,
поёт ворона свадебные песни.

От пандемий отбившись и ангин,
в руках портфель и чахлая мимоза,
идёт и щурится на солнце гражданин,
страдающий от авитаминоза.

Течёт и разливается тепло
над пустырями, парками, дворами.
Хозяйка моет пыльное стекло,
сверкают облака в оконной раме.

Везёт трамвай очередной улов.
Скрипит вагон обшарпанный и тряский.
Блестят вдоль улиц цоколи домов
и пахнут свежей известью и краской.

И праздная толпа шумит, снуёт
туда-сюда без очевидной цели.
И музыка знакомая плывёт
над обновлённым городом.
В апреле.

Кот

Медленный поворот
ключа. Открываю дверь.
Дома? Ну здравствуй, кот!
Как поживаешь, зверь?

Как ты, приятель, тут
был без меня? Норм?
Что-то ты, друг, худ.
Иль не в кота корм?

Так же густа шерсть?
Ну-ка, иди сюда!
Всё ль у тебя есть?
Свежая ли вода?

Память о прошлом — табу.
Тёмен и пуст дом.
Тихо, словно в гробу.
А за окном — гром.

А за окном — жизнь.
Впрочем, я не о том.
Ты мне вот что скажи:
трудно ли быть котом?

Ты, ведь признайся, кот,
тоже не так прост:
уши, глаза, живот,
лапы, усы, хвост.

Ты ведь немало лет
прожил уже, так вот,
есть у тебя ответ
на вечный *to be or not?*

Но, не мигая, он
смотрит в проём окна.
Туда, где сквозь ветви крон
улицы часть видна.

Там, из туч, с высоты
падает вниз вода.
Уличные коты
ходят туда-сюда.

Ты, как и я, порой
мрачен и нелюдим.
Хочешь, вдвоём с тобой
вместе в окно поглядим?

Жизнь у меня, кот,
тоже, скажу, не мёд.
Вот и меня уж год
дома никто не ждёт.

В этих стенах и вне
мне только ты рад.
Так что ты брат мне.
Дай обниму, брат.

Смотрит, молчит в ответ.
Прыгает на кровать.
Ладно, гашу свет.
Поздно. Давай спать!

Черновик

Утро, похожее на черновик:
слово, ещё одно слово, помарка.
Комната, лестница, улица, арка,
выход во двор, переулок, тупик.
Годы... зачёркнуто.
Счастье... зачёркнуто.
Будто с ног на голову перевёрнута
жизнь. Холодок от реки.
Кухонных диспутов крестики-нолики,
чайник на шатком,
обшарпанном столике
пишутся с новой строки.
Где я? Забор в рыжеватой окалине.
Богом затерянный дом на окраине.
То ли Братеево, то ли Чертаново.
Всё переписано. Начато заново.

* * *

Среди улиц, чумных и зловонных,
под бродвеи косящих хитро,
во дворах, в переходах бездонных,
на вокзалах, в вагонах метро,

на заплёванных перекрёстках,
в переполненных очередях
за жратвой, между зданий громоздких,
на расхристанных площадях,

где мы служим мишенями в тире
под прицелом прищуренных глаз,
в этом Богом проклятом мире
никого нет счастливее нас!

В раю

Незнакомая комната. Серый свет.
Занавески в проёме окна.
Люстра. Старинное кресло. Буфет.
Звонящая тишина.

Жёлтые стены, матовый пол.
Дом в предрассветной мгле.
Зелёная лампа, зеркало, стол.
Бутылка вина на столе.

На спинку стула брошен халат.
Времени теософ —
тускло светится циферблат
старых настенных часов.

Женщина рядом — любимая, спи,
уткнувшись в моё плечо.
В беспорядке рассыпаны волосы, и
дыхание горячо.

Высокая ваза, тюльпаны в воде.
В оконную пыльню
смотрится утро. Да где же я, где?
Я у тебя в раю.

В поезде

Вечер, дорога, вокзал — и привет!
Взять на удачу плацкартный билет.
Пусть нездоров и не слишком тверёз,
ехать и ехать под пенье колёс.

Немного оттаяв в вагонном тепле,
в тесном купе разложить на столе
бутылку вина и нехитрую снедь,
в пыльные окна глядеть да глядеть

на пробегающий мимо пейзаж —
пасмурный край неприветливый наш
в соснах утрюмых над тёмной рекой,
в домиках редких, заросших травой.

Прочь от себя мысли чёрные гнать.
Вовсе не думать, не помнить, не знать.
Боль и тревоги минувшего дня,
может, хоть здесь не догонят меня.

В музее

Метафора амфоры,
древнего быта осколки —
аллюзия времени.
Музейная пыль сродни
космической пыли.
Тени исчезнувших цивилизаций
взывают из темени
прошлого: стойте!
Мы тоже когда-то, как вы,
любили, мечтали,
мы были!
Воины и мореходы,
простые крестьяне, строители...
Мастер, корпевший над статуей,
как твоё имя?
Мира навеки ушедшего
безымянные жители
смотрят на нас с фаюмских портретов
глазами живыми.

* * *

Рождённые на паузе, на вдохе,
лишившиеся тягостных оков,
останутся как памятник эпохе,
как летопись загадочных веков,
летящие к неведомым пределам,
молящие, зовущие из тьмы
три слова, нацарапанные мелом:
«Здесь были мы».
ЗДЕСЬ БЫЛИ МЫ!

Зарябила в глазах, закружилась волчком, завертелась
бестолковая жизнь, но потери считать погоди.
Оглянись, посмотри — никуда твоё детство не делось,
оно здесь, оно рядом, лишь, может, на шаг позади.

Оно просто играет с тобой в догонялки и прятки.
Будто вправду и нет, но глаза только стоит закрыть —
и опять будут в стороны виться упрямые прядки
непослушных волос, будет мама за что-то бранить.

Будет так же, как раньше, исполнено утро событий.
Будет пахнуть сиренью и таять во рту карамель,
воробьи будут звонко галдеть, будет солнце в зените
и в шиповнике сонно гудеть потревоженный шмель.

Воспоминания детства

Человеческая память —
сложное весьма устройство:
прошлое мельчит, дробится,
распадается на фрагменты.
При перемотке назад время имеет свойство
обрываться, сыпаться, как старая кинолента.

Воспоминания детства зыбки
и норовят ускользнуть, чуть тронешь.
Трудно их удержать
без соответствующей сноровки.
Помню, как с мамой
жарким летом приезжали в Воронеж
к отцу, находящемуся в командировке.

Дальше, вероятно, ехали на попутке.
Колёса ЗИЛа проворачивались, месили глину.
Помню пса по имени Шарик в собачьей будке
и мелюзгу такую, как я, поедающую малину.

Дети постарше играли в прятки и салки.
Помню поля вокруг
и чернозёма жирные глыбы.
Помню, как поздно ночью
мужчины возвращались с рыбалки,
шумные и весёлые, с полными вёдрами рыбы.

Помню конфетный фантик
в мягких кошачьих лапах
и себя, читающего Маршака наизусть
без запинки;
солнце, по утрам разлитое в доме, и запах
овечьей шерсти, керосина
и топлёного молока из крынки.

Помню купание и золотистый песок на пляже,
берега, изрытые ласточками, и речку Ворону...
Это было давным-давно,
быть может, лет сто или даже
тысячу лет назад. До потопа.
Во время оно.

Детство

Плеск занавесок. Балконная дверь приоткрыта слегка.
Тикают тихо и мерно часы на буфете.
Отцовская комната с запахом солнца и табака.
Книги на полках и блики на тёплом паркете.

Медленно стелется, тянется в прошлое нить.
С братом играем в детей капитана Гранта:
углый парусник из пластилина и нужно доплыть,
несмотря на пиратов и шторм, от трюмо до серванта.

С улицы ветром доносит гуденье машин, голоса
соседей внизу, разговоры, смешки, пересуды.
Отец на работе,
до матча «Динамо» — «Спартак» полчаса.
Мама привычно гремит на кухне посудой.

Мир удивительно мал, словно глобус, и весь
как на ладони и всё же просторен безмерно.
Там, за окном, — суetyщийся город, а здесь —
шум океана, фрегаты и книги Жюль Верна.

Глаза болят от солнечного света.
Погожий день размеренный и длинный.
Упругой ласточкой тебя встречает лето,
кислицей и тропинкой муравьиной.

Лиловый сумрак в облаке сирени
умело ворошат шмели и пчёлы.
Галдят скворцы в густой листве, и тени
ложатся в ряд полосками у школы.

Июньский полдень пахнет земляникой.
И в редких паузах,
цезурах в птичьем гаме —
удары по мячу, возня и крики
на пустыре за старыми домами.

Сказки детства

Это было когда-то давно, в незапамятном веке.
Были кисельными берега и молочными реки.
За окном, наматая сугробы, крутили метели.
И всю ночь надо мной гуси-лебеди в небе летели.

Танцевала позёмка под звуки волшебного рога.
Между сосен петляя, звала, уводила дорога —
от вселенской тоски и хандры дармовое лекарство —
далеко-далеко за моря, в тридевятое царство.

А потом вдруг как по волшебству всё куда-то уплыло.
Было утро наполнено солнцем и запахом мыла.
Сказки детства стирались из памяти, но ещё долго
слышал я голоса вещей птицы и Серого Волка.

И другие дороги вели в неизвестные дали
и меня за собой в предрассветные сумерки звали.
И герои из сказок, покрытые времени пылью,
обретали живые черты.
Становились реальностью. Быльёю.

В те времена

В те времена,
когда земля была ещё плоской,
а реки, вытекая из устья,
впадали в истоки,
озаряя линию горизонта
тонкой полоской,
солнце всходило на западе,
а не на востоке.

Мы мечтали о дальних странах,
тёплых морях и свободе,
спорили о высоком
в запале юношеского максимализма.
И любовь, как ни странно теперь,
была ещё в моде,
как верность и дружба —
такие же анахронизмы.

Мы молились богам
с обложек зарубежных журналов.
Их имена звучали как музыка:
Джон, Крис, Мик,
Брайан, Нодди.
Поезда никуда не спешили
с малолюдных вокзалов.
И деревья росли,
каких не бывает в природе.

Мы внимали звукам,
доносящимся
из динамика магнитофона,
пили портвейн из горла
в кабинке общественного туалета.
И солнце светило круглые сутки,
не сходя с небосклона.
И не было зим,
а только вечное, вечное лето.

Харон

А ты знаешь, умение жить — нелёгкое ремесло.
Вот и день подошёл к концу, тяжелеют веки.
Неприветный старик, в черноту воды погрузив весло,
направляет свой чёлн ко мне и в лицо мне светит.

Я узнал его по заплатам плащу,
по фонарю в руке, но беседовать с ним не намерен.
Я давно примирился с судьбой и уже не ищу
среди тысяч причин оправданий моим потерям.

Так без лишних слов отвези же меня, Харон,
через реку скорби в страну вековой печали.
После горькой тризны, торжественных похорон
всех моих упований, давай поскорей отчалим.

Пусть же керы меня проводят в последний путь.
Мойра пусть перережет нить и задует свечи.
Только вот беда: тесный воздух сжимает грудь.
И во рту — только зёрна слов. И платить мне нечем.

* * *

Когда душа моё оставит тело,
и ангелы завоют оголтело
над брэнной, бедной сущностью моей,
и тьма вонзит в мои глаза иголки,
а небо разобьётся на осколки,
на тысячи разрозненных частей,
то и тогда, метелью снежной, тёмной,
дождливым утром, полночью бессонной,
в любое время суток, в час любой,
пусть даже вечность встанет между нами,
дыханьем ветра, музыкой, стихами
я буду разговаривать с тобой.

Стучится, колотится сердце.
Колеблется свет на весу.
Синицы пиликают скерцо
на маленьких скрипках в лесу.

А в городе — в скверах и в парках,
весенний танцует фокстрот,
им вторят вороны, и галки,
и прочий пернатый народ.

Всклокоченный город грохочет.
Лепечет капель невпопад.
И сумерки стали короче,
чем были неделю назад.

И в куртках распахнутых люди
шагают, светлы и легки.
И кажется — всё ещё будет.
Всё будет всему вопреки.

Бог, в которого я не верю,
всё же хочет меня спасти:
держит за руку, подстиляет соломку.
Сжимая в горсти,
как воробышка в тёплых ладонях, меня несёт.
Пылинки с меня сдувает и думает, что спасёт.
В бездорожье указывает мне путь,
говорит — иди!
Если я оступлюсь, упаду,
он поднимет, прижмёт к груди,
улыбнётся усталой улыбкой и скажет:
«Ну что ж ты, родной?
Не ушибся? Вставай!
Дай-ка я тебя пожалею, маленький мой».
От ненастья укроет меня,
даже если я не просил.
И когда меня оставляют силы, даёт мне сил.
В самых тёмных моих закоулках включает свет.
Бог, в которого я не верю. Которого нет.

Запомнить навсегда и этот сон во сне,
теченье дней тягучих, и страницы
любимых книг, и морось на окне —
как будто это после пригодится.

Как если бы за роковой чертой
есть в мире место, уголок заветный,
где сможешь вспоминать о жизни той,
наполненной теплом и добротой,
тревожным счастьем и печалью светлой.

День

Ветер ставни трепал,
и гremели всю ночь водостоки.
Дождь хлестал, словно плетью,
по стёклам, карнизам и крышам.
Всё утихло вдали.
Облака поднимаются выше.
Высыхает асфальт.
Занимается день на востоке.
Шумно лязгает цепью,
тяжёлый вращается ворот.
Продирает глаза,
просыпается каменный город.
Из рассеянной тьмы
проступают деревья и зданья.
Фонари и дома
принимают свои очертанья.
Просыпаются жители города,
сна разрывая объятья.
Из постелей встают,
надевают костюмы и платья.

В ваннных комнатах долго стоят,
ловят воду горстями.
Бутерброды на завтрак жуют
пополам с новостями.
Обжигаясь, пьют чай или кофе
и, усмиряя зевоту,
торопливо выходят за дверь
и идут на работу.
В отражении мутных витрин,
преломляясь, дрожат силуэты.
Едут в душных вагонах метро,
читают газеты.
Разбегаются, сходятся,
движутся в тесном потоке.
Поднимается пар от земли,
занимается день на востоке.
Там, на небе, взошедшее солнце
дымится оплавленной пулей.
Просыпается город,
гудит потревоженный улей.
Из предместий, из спальных районов,
с задворок, с окраин

громыхают, звенят,
приближаясь, грохочут трамваи.
Мимо тысячи автомобилей
проносятся с воем.
Народившийся день,
как гнойник, наливается зноем.
Он шагает по улицам
в копоти, в краске, в побелке.
По бульварам кипящим,
вращая секундные стрелки.
Увлекая прохожих
в толпе, в кутерьме,
в круговерти
обречённо крутиться волчком
от рожденья до смерти.

В переулках кривых,
пустырями, глухими дворами,
заблудившийся в прах,
затерявшийся между домами,

где на вымытых окнах
цветы резеды и герани,
где вся жизнь на ладони,
вся жизнь как в кино на экране.
Ты проходишь, вернувшись сюда
после долгой разлуки,
узнавая знакомые с детства
предметы и звуки.
Ты идёшь,
память прожитых лет
собирая по крохам,
по тропинке,
заросшей крапивой и чертополохом.
Здесь особенный воздух свободы
и запах особый.
Пахнет пылью, духами, бензином,
ванилью и сдобой.
Пахнет липами, солнцем,
кустами цветущей сирени.
Приближается полдень,
короче становятся тени.

Воробьи пролетают над крышами,
и повсеместно
разливается солнце
и падает с неба отвесно.
Пузырится бельё на ветру,
словно парус на рее.
Беспощадное время бежит
всё быстрее и быстрее.
Всё смешалось в погоне и спешке,
в толкучке и давке:
поликлиники, церкви,
пивные ларьки,
бакалейные лавки,
светофоры, проспекты, пассажи,
троллейбусы, скверы,
бани, дворники, дети, собаки,
милиционеры,
ателье, магазины, вокзалы,
музеи, афиши
на фасадах домов,
раскалённые стены и крыши.

Вечереет. Чуть тлеет асфальт,
словно поле сраженья.
Бесконечный поток тормозит,
замедляет движенье.
Ещё несколько тактов — и стихнет
вот-вот уже скоро
шевелиющийся, шумный,
большой муравейник,
Содом и Гоморра.
День подводит черту
неизбежной полоской заката.
Бьют на башне часы,
завершается круг циферблата.
Разливаются в воздухе сырость
и запах карболки.
Начинается дождь,
разбивается взгляд на осколки.
Это время дробится
на вехи эпохи и миги.
Этот день — лишь страница
ещё не дописанной книги.

Дорога

Всё дальше от неба, от Бога,
от света начального дня
уводит кривая дорога
в дремучую темень меня.

Там воздух теснее и суше
и в метре не видно ни зги.
И с каждым мгновением глуше
мои раздаются шаги.

Сбиваю о рытвины ноги,
предчувствую сердцем беду.
Но всё же по этой дороге
почти уж полвека иду.

Пауза

На паузу нажав, остановилась жизнь
от передоза лжи, переизбытка фальши.
Перемотай назад и сам себе скажи,
без розовых соплей скажи: а что же дальше?

А дальше только боль, безвременья налёт,
мельканье тусклых дней
в привычной круговерти.
Не жалуйся, не хнычь. Шагай, ползи вперёд.
И если повезёт, то доживёшь до смерти.

Когда, открыв глаза, проснёшься ночью,
поднимешься и, не включая свет,
всем существом вдруг ощутишь воочию,
что прошлого и будущего нет.

А есть лишь краткий миг, что мягче воска,
чуть зримый штрих, полутеней игра,
стежок тончайший, узкая полоска,
граница между завтра и вчера.

И станет легче. Скрипнет половица.
Забрезжит утро будто в первый раз.
И что должно, конечно же, случится.
Немедленно, сегодня и сейчас.

И, внутренне прозрев, за мысли эти
держась как за спасительную нить,
страхнёшь с себя тяжёлый груз столетий,
отпустишь боль и вновь захочешь жить.

Времена года

Синее небо и прозрачней свет.
Шаги и речи глуше, но природа,
не верь глазам, не умирает, нет,
а только засыпает на полгода.

Зима замедлит ход ручьёв и рек.
Скуёт дороги. Путником усталым
пройдёт по тихим улицам, и снег
укроет город белым покрывалом.

И жизнь замрёт. Надолго. Но едва
ветра умолкнут и пригреет солнце,
как молодая, юная трава
поднимется и сквозь асфальт пробьётся.

И мы, прервав мучительные сны,
сердца откроем, будто настезь двери,
для новых чаяний, для счастья и весны
и вновь в своё бессмертие поверим.

Жизнь продолжается

Жизнь продолжается и в четырёх стенах,
и в бессвязных обрывках тв-передач,
и в горячечных снах;
в темноте душевной палаты,
в тусклом свечении утренних окон;
в слабом теле, дрожащем как лист,
сохраняющем боль и жар;
в голове, надувшейся как воздушный шар;
в еле живой душе,
внутри тебя свернувшейся в кокон.

Жизнь продолжается,
несмотря на кривой високосный год,
даже если дела принимают такой оборот,
что уже нет сил от нелепых фантазий
и чаяний лживых.
Но когда твой корабль получает опасный крен
и теряет мачты на фоне больничных стен,
и тогда ты живёшь,
пока кровь пульсирует в жилах.

Жизнь продолжается, несмотря на то,
что у страха глаза велики;
с каждым новым вдохом, с понедельника,
с чистой страницы, с новой строки;
как бесценный подарок,
дорогая награда,
как чудо.

А уставший за сутки санитар-сутенёр,
заправляя пустую кровать,
говорит: вот тебе ещё несколько лет,
будешь ли продлевать?
Отвечаю: чего бы это ни стоило,
обязательно буду.

«Мужшиѣ веретено в руках у Клото...»

Каждый, кто возьмёт в руки эту книгу, где Андрей Ивонин представил свои избранные стихи разных лет, вряд ли сможет легко ускользнуть из её пространства — даже если не сразу доберётся до последней страницы. Стоит читателю пробежать глазами два-три стихотворения — и с ним уже надолго останется чистый и лёгкий отзвук, который незаметно переложит на музыку привычное пространство, впустит шум ветра, шорох травы и влажное дыхание дождя в молчание вещей, настроит оптику на вибрации внимательного удивленья и почти тактильное переживание словесной оркестровки.

В этом — соединение опыта мастера и логики незнакомого с правилами ребёнка, маленькое чудо сохранения свежести восприятия, в котором задействованы все пять чувств. Автору удаётся сохранять лёгкость поэтического дыхания, видимо, Муза любит своего поэта, и любовь эта взаимна — строчки дышат приятием мира, его гармонии, заметной автору в порой и едва уловимых чертах. Палитра Андрея разнообразная, но по преимуществу светлая, пастельная,

с серебристым отливом, в ней много белого, много воздуха, как на картинах Сёра или Веронезе, где цветовое пятно или мазок окружены дыханьем пространства. Хотя, мне кажется, более подходит другая метафора из мира живописи, которую автор ценит и любит, отдавая приоритет импрессионистам: сквозь ткань его холстов просвечивает солнце, живой свет — то сквозящий, то скользящий, с множеством оттенков радости.

Однако свечение это — не сумма наблюдений за реальностью. В том результат рефлексий автора и его внутренней работы: умение уловить объединяющую мир феноменальных явлений онтологическую основу бытия и, я бы сказала, индивидуальное прочтение текста 150-го псалма («Всякое дыхание да хвалит Господа»), соединённое с пантеистическим восприятием мира живой материи.

Стихи Андрея Ивонина ткут гармонию равновесия, как струи дождя, соединяющие верх и низ, небо и землю; смягчая углы и цветовые пятна урбанистических пейзажей и домашних натюрмортов, строки одевают реальность своим прозрачным потоком, в котором свет и тень пульсируют в строгом ритме. Ритм этот задан прежде всего мелодикой регулярной по преимуществу стиховой формы, неслучайно тема музыки не менее, если не более, чем тема живописи,

значима для поэта. Едва ли не в каждом стихотворении мы можем уловить — явное или скрытое — мерцание дня и ночи, сумерек и просветов, тьмы и солнца, «есть» и «было» как немоллимую поступь времени. О нём, властелине человеческой жизни, Андрей говорит в самых разных контекстах с присущей земной дороге палитрой печалей, тревог и надежд. Однако в этой непрерывно разматывающейся картине бытия есть ещё и то, что не уместается в логику киноплёнки (хотя визуальные ряды Андрея очень «кинематографичны», а местами вызывают в памяти киноэксперименты Дзиги Вертова): та всё же подразумевает рамку видеоискателя. В этих же стихах рядом с временем профанным слышится дыхание времени мифологического, живущего не по линейным законам и не обрывающегося с завершением последней строчки стихотворения. Когда мифологическое время пересекается в стихах Андрея с течением повседневности, случаются чудеса озарений чувств, вспышек красоты, перенастройки оптики. Хронос продолжает размеренно двигать своей косою, но в переживание читателя входит то, что ускользает от её маятника: любовь, память, воображение, «сшивающие» удалённое, выкликающие, как тайный голос в «Алых парусах» Грина, в то пространство, которым легко дышат греческие небожители, Мандельштам и Аронзон.

«Мужжит веретено в руках у Клото...»

Веретено Клото, выпрядающей нить судьбы, продолжает тихонько жужжать, о чём повествует одно из стихотворений этого сборника. И прирученный хаос вещей, как шерсть под вневременными пальцами мойры, превращается в джазовую импровизацию или утешающее прикосновение, радостный смех или свободный танец облаков, сквозь которые то за-сверкает глаз Аргуса, то заискрится прибором древней Тетис. Пусть нить продолжает подрагивать в руках богини и мисте-рия жизни между привычным и невозможным продолжает тревожить речь автора и чувства читателей.

Валерия ИСМИЕВА

Содержание

Эдуард Побужанский	
«Нездешний свет, таящийся внутри...»	5
«Вот тьма над чёрной бездною. Вот свет...»	9
«Пейзаж в окне...»	10
Импрессионизм	12
«Пахнет йодом прибрежный осот, и везде...»	13
Сумерки	14
«Сочащиеся сумерки из пор...»	15
«Нет ни завтра , ни после ...»	16
Ты	18
«Глаголов упорная битва...»	20
Вечернее	21
«Ты одна. И другой не надо...»	22
Искусство	23
Сцена	24
Поэзия	25
Творец	26
Гармония	27
«Форма, звук, структура, цвет...»	28
Памяти Мандельштама	29

Импрессионисты	30
Поэт	32
Лётчик	34
О природе вещей	35
«Белеют паруса вдали...»	36
«Богиня, девочка, царица...»	38
Зазеркалье	39
«Из каменных сот...»	40
«Жизнь проходит, значит, так и надо...»	42
«Сгорало дотла воспалённое лето...»	43
Август	44
Встреча	46
Петербург	48
«Всё меняется: чисел значение...»	50
Тучи	51
По осеннему Летнему саду	53
Осень	54
Вендетта осени	56
«Ветрено. Хлопают ставни...»	58
Никогда	60
Скучаю	62
«Густое утро пробую на вкус...»	63
«Надрываются, дуют метели...»	64

Содержание

«За окнами иной искрится...»	65
Ищу человека	66
«Метут, метут метели...»	68
«О чём ещё писать, как не о лете...»	70
«Со временем былая пустота...»	71
Рождественское	72
Новогоднее	74
«Зима в одежды белые одета...»	76
«День морозный, солнечный, бодрящий...»	78
Февраль	79
Бабочка	80
Перед рассветом	81
«Поддержи меня словом, плечом...»	82
Античность	83
«Да будет так: чередованье встреч...»	84
«Встречаю взгляд и отвечаю взглядом...»	85
«Такая погода: ни зги не видать...»	86
«Когда как тень вползает в дом беда...»	87
«День не заладился в самом начале...»	88
Война	89
Синоптики	90
Вражда	91
«В час, когда тебе на целом свете...»	92

Жанне	93
Горе	94
Пейзаж	
1. «Кот сидит за занавеской...»	96
2. «Снег кружит в оконной раме...»	97
Вот так и бывает	99
«Мороз за минус двадцать...»	100
Верую	102
«Воздух вдыхаешь жадно, не надеясь на зрение...»	104
«Вот так живёшь, не думаешь, не знаешь...»	106
Воробы	108
Говори со мной	109
Апрель	110
Кот	112
Черновик	116
«Среди улиц, чумных и зловонных...»	117
В раю	118
В поезде	120
В музее	121
«Рождённые на паузе, на вдохе...»	122
«Зарябила в глазах, закружилась волчком...»	123
Воспоминания детства	124
Детство	126

Содержание

«Глаза болят от солнечного света...»	127
Сказки детства	129
В те времена	130
Харон	132
«Когда душа моё оставит тело...»	133
«Стучится, колотится сердце...»	134
«Бог, в которого я не верю...»	135
«Запомнить навсегда и этот сон во сне...»	136
День	138
Дорога	144
Пауза	145
«Когда, открыв глаза, проснёшься ночью...»	146
Времена года	147
Жизнь продолжается	148
Валерия Исмиева	
«Жужжит веретено в руках у Клото...»	150

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
СЕРИЯ «ПОЭЗИЯ XXI ВЕКА»

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ИВОНИН

Только стихи

Редактор
Эдуард Побужанский

Художник
Татьяна Авдеева

Дизайн и вёрстка
Дмитрий Климович

Корректор
Ольга Форофонова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.
Заказ № 2233. Подписано в печать 21.04.2021.

Формат 130 x 165 мм. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

IZDAT.SU

АНДРЕЙ ИВОНИН

Родился в Москве 16 июня 1959 года. Работает в московском театре «Эрмитаж» заведующим художественно-постановочной частью. Член Союза театральных деятелей РФ. Почётный работник культуры г. Москвы. Член Московского союза литераторов. Стихи публиковались во многих литературных журналах и альманахах. Лауреат Большой международной литературной премии «Серебряный стрелец», Национальной литературной премии «Поэт года» и Международной поэтической премии «Образ». Автор стихотворных книг: «Слово», «Начало», «Повторенье пройденного» и «Говори со мной».

В новую книгу «Только стихи» вошли избранные произведения последних лет.

ОБРАЗ 2021